

Из Нижнего Новгорода в заволжский городок Семёнов дорога лежит через Волгу по наплавному мосту, который поддерживает буксир, на борту которого написано “Борис Корнилов”. Словно сам поэт зовёт за собой в дороге ему места, “в синь семёновских лесов”. По сторонам дороги – вековые сосновые боры, заболоченные низины. Здесь когда-то укрывались гонимые старообрядцы, их потомки и сейчас живут в окрестных деревнях, по берегу реки Керженец, а центром старообрядчества всегда считался Семёнов.

На одной из центральных улиц краснокирпичном усадьбном доме купца-старообрядца П. П. Шарыгина (о чём свидетельствует мемориальная доска) ныне располагается районный краеведческий музей. Гордость музея – большая экспозиция, посвящённая поэту-земляку Борису Петровичу Корнилову. В интерьере жилой комнаты семьи учителей Корниловых – этажерка с книгами, на столе – шахматная доска с самодельными фигурками (любимая игра отца и сына), ягодный туюсок, семейные фотографии, открытки, письма – всё завещано и передано в дар музею матерью поэта Таисией Михайловной Корниловой (1884–1979).

На фотографии Борису пять лет, в руке книга – подарок отца на день рождения. Вот праздничная открытка, старательно написанная восьмилетним Борей Корниловым: “Евгению Ивановичу Самоскому, 1915 год: Дорогой кока! Поздравляю с Днём Вашего ангела. Бабу Лизу с дорогим именинником и желаю быть Вам здоровым. Боря”. Здесь, в заволжском крае, до сих пор в народе крёстного отца и крёстную мать называют так: “кока”.

Кто же он, этот уважаемый именинник, выбранный родителями крёстным отцом своего первенца? Евгений Иванович Самоский – уездный врач, почитаемый семьей Корниловых человек.

Он был ангелом-хранителем семьи Корниловых, к нему обращались за поддержкой, за житейским советом, врачебной помощью. Свет высокой духовности, щедрости этой личности вольно или невольно распространялся на окружающих, конечно, и на детей Корниловых. О нём мы узнаём от самой Таисии Михайловны.

В музее хранятся написанные ровным учительским почерком две школьные тетради в линейку “Воспоминания Корниловой Т. М.”, мать поэта написала их по просьбе музея в последние годы жизни. Таисия Михайловна рассказывает о семейных нуждах, с какими трудностями они, сельские учителя, строили дом в г. Семёнове, много о муже, детях, о Борисе, меньше всего – о себе. Она как бы рассуждает: а чего особенного, родилась в семье служащих

мануфактурного магазина в Семёнове, учительскую профессию получила здесь же, в родном городке, была направлена на работу в начальную школу села Покровское Семёновского уезда. Неподалёку, в селе Безводном, тоже в начальной школе учительствовал Пётр Тарасович. “В 1906 году поженились, в 1907, 16 июля по старому стилю, 29 по новому, родился Борис. Елизавета – в 1909, Александра – в 1910”.

Пётр Тарасович Корнилов (1884–1938) – один из пяти сыновей сельского батрака, своим трудом пробивал он себе жизненную дорогу. Успешно учился в церковно-приходской школе в селе Перелаз Семёновского уезда. Старательного паренька-книгочея восьми лет приметил уездный врач Евгений Иванович Самоский и взял в семью. Он платил за учёбу своего воспитанника в Семёновском городском училище и на двухгодичных курсах учителей начальной школы в Нижнем Новгороде, которые Пётр Тарасович окончил в 1903 году.

В селе Покровском семья молодых учителей жила при школе, которая не уцелела во время пожара; здесь первые полтора года жизни провёл их первенец Борис. Село стоит на берегу реки Керженец, из-под крутого берега подаёт голос родник, не замерзающий и в лютые морозы. Поёт, не умолкая. Бережно относятся к своему роднику сельчане, смотрю, подновили сруб, мостки, вокруг чистота. А на скамейке – берестяной рожок, чтоб воды зачерпнуть, утолить жажду, набраться сил.

Дважды дотла выгорало Покровское, это участь многих окрестных лесных сел, проходит год-два, и эти села отстраиваются на том же месте. Испокон веку живут здесь старообрядцы, а они, как известно, меняли родные места только в лихие годы гонений. В ранней юности Б. Корнилов пишет: “Мы на Керженце, на реке, // Где моя непонятная родина, // Где растут вековые леса, // Где гуляют и лось, и лиса, // И на каждой лесной версте, // У любого кержачьего скита // Русь, распятая на кресте, // На старинном, на медном прибита”. Всё так же, как многие годы назад, несёт свои бурные воды правый приток Волги Керженец; течёт, меняется жизнь, а родник в Покровском поёт себе, воркует, дарит людям свою чистоту и прохладу. Так и стихи Б. Корнилова живут, несмотря на бурные перемены.

В пять лет Борис научился читать. В начальной школе села Дьяково, куда переехала семья, учился у отца и учился успешно. Из “Воспоминаний” Т. М. Корниловой: “К 1925 году у него имелась тетрадь со стихами. В детстве любил природу, реку, рыбную ловлю. Часто с товарищами уходил на рыбалку на реку Санохту, что в полукилометре от Семёнова, а то и на Керженец, за 8 километров. Книга всегда была его спутником. У нас в хозяйстве имелась лошадь, за которой ухаживал Борис, уводил её в ночное и приводил утром домой. Любил торжественно приехать верхом, а то и вскачь, чтоб я видела”. Вспоминаются ранние стихи семёновского периода жизни Б. Корнилова, которые своей теплотой покорили ленинградских поэтов: “Дни-мальчишки, // Вы ушли, хорошие, // Мне оставили одни слова, // И во сне я рыженючку лошадь // В губы мягкие расцеловал...”

“Муж вернулся с войны в 1920 году после тифа. Был очень слаб, стройка дома не двигалась. В Дьякове у нас была своя полоска земли, которую засеяли рожью. Всей семьёй работали не покладая рук, дети трудились не отставая. Урожай получили хороший, и стройка сдвинулась”.

Из Дьякова семья переехала в уездный городок Семёнов. Сначала жили на съёмной квартире на улице Сластунинской. Неподалёку на Верхнебазарной площади стоит приземистое кирпичное здание школы, сейчас около входной двери висит мемориальная доска: “Здесь с 1918 по 1924 год учился поэт Борис Петрович Корнилов”.

Свой небольшой домик строили долго (сейчас улица имени Бориса Корнилова). В этом доме стала собираться вся уличная детвора. Как рассказывала мне младшая сестра поэта Александра Петровна Козлова (Корнилова), в их семье была большая библиотека, вечерами устраивались семейные чтения вслух, детям на дни рождения дарили книги. В их доме ставились детские спектакли, заводилой всегда был Борис, энергия его была ключом. Он хорошо учился, много читал, сочинял поздравительные куплеты, сценарии праздников, позднее спектакли вместе с доморощенными артистами переместились в районный клуб.

Судьба даровала матери поэта долгую жизнь – Таисия Михайловна Корнилова прожила 96 лет, словно вобрав жизни дорогих людей: мужа, сына, рано умершей дочери Елизаветы. Она так и не узнала всей правды о гибели

своих родных. В марте 1937 года был арестован Борис, и долгие годы о нём не было ни слуху, ни духу. Вскоре забрали Петра Тарасовича и ещё нескольких семёновских учителей, потом сообщили, что муж умер 10 июня 1939 года в тюремной больнице. Тогда же в Ленинграде были арестованы младшая сестра Таисии Михайловны Клавдия Михайловна и зять, у них некоторое время жил Борис.

Таисия Михайловна верила, что сын обязательно вернётся домой. Доходили до г. Семёнова слухи, что видели его в пересыльном лагере, что в тюрьме передавали из рук в руки тетрадку с его стихами. Ждала, хранила всякую дорогую сердцу вещицу, связанную с сыном. По-семёновски круто окая, жelaющим слушать наизусть читала стихи, где сын обращался к ней: “Ну, одену я одежду – // Новую, парадную, // Ну, приеду... Что скажу, // Чем тебя порадуешь?” Жизнь матери и жены репрессированных складывалась непросто. В доме она осталась одна, младшая дочь учительствовала в селе. Было время, когда с ней не здоровались, не говоря уж о том, что не отмечали никакими поощрениями за долгий учительский труд...

В комнатах дома купца Шарыгина, где находится краеведческий музей, в 20-е годы располагался Семёновский уездный комитет союза молодёжи (уком РЛКСМ), кипела комсомольская жизнь, здесь работал юноша Борис Корнилов. Вот на музейных стендах его фотографии вместе с друзьями – вдвоём с Павлом Шляпниковым, в группе с Василием Молчановым, Кузьмой Краюшкиным (стал учителем, в 1929 году убит “кулаками”), Алексеем Егоровым. В архивных списках есть документы о рейдах “особого назначения” семёновских комсомольцев, где мелькают эти фамилии, в них нигде, как свидетельствуют музейные работники, не значится имя Б. Корнилова, скорее всего потому, что в уколе он отвечал за другие участки работы (вожак пионерии, делопроизводитель). В музее хранится ходатайство Семёновского укома комсомола перед Ленинградским губкомом комсомола о принятии на учёт комсомольца Корнилова Бориса, “едущего туда к родным на место жительства”.

Стихотворение “Открытое письмо моим приятелям” написано Б. Корниловым в 1931 году в Ленинграде, оно навеяно лирическими воспоминаниями о семёновской молодости. Удивительно складно “ложится”, казалось бы, протокольная тема: “Все мои приятели – // Всё бюро райкома – Лёшка Егоров, // Мишка Кузнецов, // Комсомольцы Сормова – // Ребята – иже с ними. // Я такой же аховый – // парень – вырви гвоздь... // Точка. – Снова вижу вас // Глазами косыми // Через пятилетие большое насквозь...”

Природная одарённость брала своё, удивительно, как самые, казалось бы, заданные темы у Б. Корнилова одухотворены, мелодичны: “И вот опять секретари в райкомах // Поют переживания свои”, “Кипит вода, лаская // Тяжёлые суда, // Зелёная, морская...” И разговорные словечки: “ать-два”, “амба”, громоздкие, “неотёсанные” обороты у него всегда к месту. Очевиден необыкновенный, редкостный песенный дар Б. Корнилова, умение самую, казалось бы, “сухую” тему приподнять и высветить.

Первые публикации юношеских стихов Б. Корнилова под псевдонимом Борис Вербин стали появляться в губернской газете “Молодая рать”. В Нижегородской писательской организации узнали и запомнили его имя. Казалось бы, всё складывалось хорошо. Александра Петровна, сестра, помню, как-то обронила: “Его из дома увели стихи”, – и, наверное, это единственно верный ответ. “Из газет тогда мы узнали, что Сергей Есенин переезжает жить в Ленинград, и Борис загорелся желанием ехать туда, чтобы познакомиться с поэтом, стихами которого бредил. Мама отпустила его скрепя сердце и то потому, что в Ленинграде жила её сестра, наша тётя Клава, и жили они вдвоём с мужем, инженером одного из заводов, обеспеченно и в хороших условиях. Борис поехал к ним. Предварительный билет был куплен в середине декабря на 5 января 1926 года, Есенина уже он не увидел”. Мечтал поступить “в институт журналистики или в какую-нибудь литературную школу”.

Как пишет близко знавший поэта писатель и редактор К. И. Поздняев, “сумел попасть лишь на Высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств (да и то не сразу), но уже в 1928 году выпустил первую книгу стихотворений – “Молодость...” В литературном объединении “Смена” под руководством Виссариона Саянова он с первых выступлений произвёл на всех неизгладимое впечатление. Уверенный в себе, с уже сложившимся поэтическим взглядом, он читал первые свои стихи, в которых было нескрываемое подражание Есенину. Подкупали неподдельная искренность, открытость, знание

быта русской уездной жизни, темперамент. Русская поэзия ждала заполнения искусственно создаваемых пустот – и Борису Корнилову рукопеслаки.

Встреча Б. Корнилова с начинающей поэтессой О. Берггольц произошла в литобъединении “Смена”, вскоре они решили создать семью. Позднее Ольга Фёдоровна писала: “Вот там и увидела я коренастого низкорослого парнишку в кепке, сдвинутой на затылок, в распахнутом пальто. Глаза у него были узкого разреза, он был слегка скуласт и читал с такой уверенностью в том, что читает, что я сразу подумала: “Это Он”. Это был Борис Корнилов – мой первый муж, отец моей первой дочери”.

В одном из вариантов автобиографии О. Берггольц так описывает события своей жизни в эти годы: “Строить фундамент социализма я поехала с Николаем Степановичем Молчановым, любовью моей всегдашней. Если говорить правду, мы сбегали из Ленинграда в 1930 году после окончания филологического факультета университета. Мы с Колей отправились в Казахстан”.

В музейной экспозиции г. Семёнова можно увидеть семейную фотографию, запечатлевшую молодую семью Бориса Корнилова и Ольги Берггольц в один из приездов из Ленинграда к родителям. Пётр Тарасович бережно держит на коленях маленькую Ирину. Помню, как сестра поэта Александра Петровна, которая многие годы жила и учительствовала в деревне Беласовке Семёновского района (на местном кладбище похоронена Таисия Михайловна), рассказывала о том, как горько переживали Корниловы, получившие известие о семейной драме Бориса, о смерти его дочери. В одном из писем домой, в Семёнов, Борис сообщил о предстоящей длительной командировке и просил кого-нибудь приехать в Ленинград и забрать дочку из семьи Берггольц. Спешно собравшись, поехала за внучкой Таисия Михайловна. Вернувшись домой расстроенная, ведь семья сына распалась, а мать Ольги Фёдоровны оставила Ирину у себя и не отдавала даже на время.

В свидетельстве о рождении Ирины Борисовны Корниловой значится: родилась 13 октября 1928 года в Ленинграде, в графе “сведения о родителях” обозначено: “отец – Корнилов Борис Петрович, мать – Корнилова Ольга Фёдоровна”. Примечательно, что Ольга Фёдоровна везде подписывалась девичьей фамилией и только в свидетельстве о рождении дочери она подписалась “Корнилова”.

У маленькой Ирины обнаружили болезнь сердца. В свидетельстве о смерти значится: “Ирина Борисовна Корнилова умерла 14 марта 1936 года”. Вот газета “Известия” от 18 марта 1936 года, в траурной рамке извещается: “Борис Корнилов с глубокой скорбью сообщает о смерти своей единственной дочери Ирины Борисовны Корниловой”. Единственной... Нам остаётся только догадываться о глубине переживаний молодого отца, оставшегося сначала без жены, без семьи и дома, и вот ещё удар – не стало единственной дочери. Как тут не вспомнишь его строки: “Меня ни разу не встречали // Заботой друга и жены...”

Он понимал литературную работу как ежедневный труд, полную самоотдачу, участие в кипении буден. Помню, на одном из поэтических праздников в Семёнове однокурсник поэта Д. А. Левоневский (ему посвящён цикл “Апшеронский полуостров”) вспоминал: “Корнилов, к удивлению нас, истинных пиетерцев, выделялся своей начитанностью, глубиной филологических знаний и тогда уже очевидным поэтическим талантом”.

Смело шагнула в бурный литературный поток конца 1920-х годов поэзия Б. Корнилова. Критика того времени нещадно обвиняла его в “есенинщине”, “ремизовщине”, называла “кулацким подпевалой”. В то же время он был постоянным автором солидных изданий, газеты “Известия”, журнала “Новый мир”. Б. Корнилову не отказывали в длительных командировках по стране, свою поэму “Триполье” он читал на бюро ЦК ВЛКСМ в присутствии А. Косарева. Его воспринимали как поэта “с надёжной ухваткой”, уверенного в своих помыслах, своём слове.

Были и есть литературные критики, упрекающие Б. Корнилова в политической недалёковидности. Разве поэт обязан быть тонким политиком? А вот поэтическое сердце его было восприимчивым, чутким. “Отрезвляющей” действительностью для него всегда оставался Семёновский край, где “Старики умирают за делом // И не любят, что тракторы есть, // Жеребцы с металлическим телом”. Немало поэтов – его ровесников – не удержались в водовороте дней, “утонули”, забылись.

Б. Корнилов остался, потому что был “сентиментален, оптимистам липовым назло” (“Ёлка”, 1934). Ну, и попало ему за эту строчку от пишущей братии!

Да, стремился идти в ногу со временем, но слово запевала, выводил свои знаменитые “Песню о восточном”, “Краснофлотскую”, “Интернациональную”. Но вновь и вновь являлись ему сокровенные мгновенья, чаще всего связанные с памятью детства, юности, юношеской любовью к семёновской красавице Тане Степениной, когда хотелось петь не хором, а один на один, от сердца к сердцу: “Моя девочка верная // Опять не весела, // И вновь твоя губерния // В снега занесена...” (“Лирические строки”, 1927), “Гуси-лебеди пролетели // Чуть касаясь крылом воды, // Плакать девушки захотели // От неясной ещё беды” (“Вечер”, 1934). Сколько же в нём было потаённой, подспудной силы, до конца так и не раскрытой, никем не познанной! Он ушёл тридцатилетним, оставив нам мелодию родниковой чистоты, голос, узнаваемый в каждой строчке в хоре поэтических голосов.

И всё-таки в его оптимистической, уверенной песне последних лет нет-нет да пробьётся тревожная нота: “Сосны падают с бухты-барахты, // Расшибая мохнатые лбы, // Из лесов выбегая на тракты, // Телеграфные воют столбы...” (“Прадед”, 1934), “Злая осторожность доbermanа // До конца похожа на мою...” (“Собака”, 1936).

Что мы находим в стихотворении “Ёлка” (1934) при сегодняшнем прочтении? Осознанную картину окружающего: “Здесь всё рассудку незнакомо, // Здесь делай всё, хоть не дыши, // Здесь ни завета, ни закона, // Ни заповеди, ни души...” Для Б. Корнилова такой мир – “тёмный и пустой”. Как в мире пустоты не потерять себя, устоять?

“А я пророс огнём и злобой, // Пропитан пеплом и золой, Широколобый, низколобый, // Набитый песней и хулой. // Ходил на праздник я престольный, // Гармонь надев через плечо, // С такою песней непристойной, // Что Богу было горячо...”

Таланту подлинному даётся дар предчувствия, так было и с Б. Корниловым – он видел близость конца. В “Прадеде” рисует свой портрет с прадеда Якова, укрывшегося в дремучем лесу со своими единомышленниками, которые не хотели жить по общим правилам: “Я такой же, // С надёжной ухваткой, // Мутным глазом // И песней большой, // Вашим голосом, // Вашей повадкой, // Вашей тягостною душой”. Поэт называет себя “последним из вашего рода” и предрекает таким свободолюбивым людям, как прадед: “Вас потом поведут под конвоем // Через несколько лет в Соловки”. Сбылось, но с одной поправкой – не “вас”, а “нас потом поведут...”

Его триумф – поэма “Триполье” (1933) – о трагической гибели комсомольского отряда. Б. Корнилов к этому времени выбыл из комсомола и не стал, как друзья его юности, партийцем. Это отмечено в графе “партийность” следственного дела по обвинению Корнилова Б. П. № 23229. Из тайников Белого дома, как ленинградцы называют управление КГБ, поднято это следственное дело с пометкой “Хранить вечно”. Недоступность документов опровергло время. Перелистаем эти всего вероятнее заведомо составленные документы.

Документ один – постановление от 19 марта 1937 года: “Занимается активной контрреволюционной деятельностью, является автором контрреволюционных произведений и распространяет их, ведёт антисоветскую агитацию... Постановил: гражданина Корнилова Б. П. привлечь в качестве обвиняемого по статье 58 пункт 10 и избрать мерой пресечения содержание под стражей в ДПЗ по первой категории”.

Документ два – ордер под номером 940 от 19.03.1937 года на обыск и арест. Документ три – протокол от 20 марта 1937 года, и в нём: “Проведён обыск и арест в доме № 9, кв. № 123 по каналу Грибоедова. Согласно данным задержан Корнилов Б. П. Взят для доставки в управление НКВД по Ленинградской области: паспорт, военный билет и разная переписка и стихи, принадлежащие Корнилову Б. П.” Синими чернилами резолюция: “Взятая в отдел разная переписка уничтожена 13.03.1938 г.” Так погибли почти все рукописи поэта. В Пушкинском доме хранится лишь небольшое из уцелевшего.

В дело подшита типовая анкета, заполненная со слов арестованного. В графе “состав семьи”: “Жена – Борнштейн Ципа Григорьевна, род занятий – домохозяйка”. Под этим именем вторая гражданская жена Б. Корнилова, кажется, мало кому была известна. Поэт и друзья семьи называли её Люся. Он жил после развала первой семьи в гостиничном номере, на пороге которого однажды и появилась 16-летняя Люся. Вскоре они стали жить в гражданском браке. Люся бойко читала наизусть его стихи, выполняла все поручения. Обэтом вспоминали старые нижегородские писатели, побывавшие

в гостях у молодой четы в номере нижегородской гостиницы. Борис всегда извещал их о своём приезде. В этот раз было заметно, что он стал приглядываться к рюмке, чего не было раньше, при этом становился шумным и запальчивым, а совсем юная Люся смотрела на него покорно, беспрекословно выполняла все его поручения. Наверное, Б. Корнилов намеревался побывать в Семёнове, но почему-то раздумал. Он так и не представил своим родителям и сёстрам Люсю, а ведь они вместе прожили не менее семи лет.

Получив большую квартиру в писательском доме, жили открыто, принимали друзей. Здесь часто бывали родной брат Люси и его товарищ по Академии художеств Яков Басов. В последние годы жизни Б. Корнилов, что называется, “уходит в себя”, уединяется. В его стихах этого периода можно уловить исповедальный, как в “Прадеде”, “Ёлке”, или прощальный, как в обращении к ящику письменного стола, мотывы.

Через несколько месяцев после ареста Б. Корнилова у Люси родилась дочь Ирина, в свидетельстве о рождении её записывают как Борнштейн Ирину Борисовну. Сохранилось письменное обращение в Ленинградский союз писателей с просьбой о выделении материальной помощи в связи с рождением дочери Бориса Корнилова. Вскоре она выходит замуж за художника Якова Басова и после регистрации брака становится Людмилой Григорьевной Басовой, а её дочь – Ириной Яковлевной Басовой, потом у супругов родится сын.

Молодая семья Басовых спешно покидает Ленинград, они поселяются в Киеве. Семья живёт счастливо, Людмила Григорьевна никогда не рассказывала Ирине о Борисе Корнилове, о том, что он её отец, Ирина узнаёт, уже сама будучи матерью, из письма Таисии Михайловны после смерти Людмилы Григорьевны.

В день ареста 20 марта 1937 года состоялся первый допрос Б. Корнилова, который вёл оперуполномоченный, младший лейтенант госбезопасности Лупандин, он же 19 марта арестовывал поэта. От протоколов допроса (их восемь) остаётся ощущение преднамеренной заданности. Мог ли Б. Корнилов так оговорить себя? “Кроме того, я являюсь автором контрреволюционных литературных произведений, к числу которых относятся: “Ёлка”, “Чаепитие” “Прадед”. Во всех этих произведениях я выражал сожаление о ликвидации кулачества, давал контрреволюционную клеветническую характеристику советской действительности, воспевал кулацкий быт. Эти контрреволюционные произведения я читал среди писателей, артистов, художников. Ответы записаны с моих слов верно и мною лично прочитаны. Борис Корнилов”.

Протокол допроса от 7 марта. Вопрос: “С кем из участников контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации поддерживали отношения?” В перечне значится фамилия семёновских приятелей Б. Корнилова Александра Клинова и его жены Антонины, с ними вместе он работал в уездном комитете комсомола (их портреты хранятся в Семёновском краеведческом музее, оба в кожаных куртках, весёлые...). Младшая сестра Александра Юрьевича Клинова Лидия жила в семье брата, ей тогда было четырнадцать лет. Краевед К. В. Ефимов нашёл Лидию Юрьевну в г. Дзержинске Горьковской (Нижегородской) области. Немало интересного она рассказала о ленинградской жизни. А. Ю. Клинов сделал блестящую военную карьеру, ему было всего тридцать, а он уже занимал должность начальника кафедры Ленинградской военно-политической академии. Б. Корнилов часто бывал в доме своих семёновских друзей. Хозяюку дома, Антонину Семёновну, он по старой привычке называл Антанта, друга – Сашка, не иначе. Клиновы умели ценить по-мальчишески открытый, ершистый характер не забронзовевшего поэта. Детская память Лиды сохранила, как шумно веселился “дядя Боря”, какие устраивал сюрпризы. С получением гонорара за сказку “Как от мёда у медведя зубы начали болеть” удивил всех: принёс чемодан конфет, все наелись до отвала.

Убийство Кирова в Ленинграде, как известно, повлекло за собой волну арестов, забрали и Клинова. Семья нищенствовала – двое маленьких детей, Лидя – третий ребёнок. Знакомые отвернулись, а Борис Корнилов приходил каждый день с неизменным чемоданом с продуктами. Однажды сказал, что его выследили, проверили чемодан, пригрозили, приказали забыть этот дом. Он стал приходить ночью.

Не миновала Клиновых участь ссыльных, их срочно, не дав собраться, отправили в Казахстан. Новое поселение стало для семьи Клиновых вечным, горькая участь миновала лишь Лидию Юрьевну, которая смогла вернуться в родные места.

Рискованно было показываться на вокзале перед составом отъезжающих переселенцев. Лидия Юрьевна рассказала: “Борис появился неожиданно со своим неизменным чемоданом, передал на дорогу 200 рублей со словами: “Купите фруктов Сашке”, — ещё какие-то продукты и тёплую одежду нам, которая очень пригодилась”. Верилось, что где-то там, в неведомом далеке, семья будет вместе...

19 февраля в 13 часов собралось закрытое судебное заседание выездной сессии Верховного суда. Без вызова свидетелей, без участия обвинения и защиты.

Непродолжительное заседание вынесло свой приговор: “Приговорить подсудимого Корнилова Бориса Петровича к высшей мере наказания — расстрелу — с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит на основании Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года и подлежит немедленному исполнению. Председатель: корпусной военный юрист Матулевич, члены: Мазюк, Ждан. Секретарь: Костенко”.

Представляет интерес квитанция, подшитая в дело. В ней перечислены вещи, изъятые при определении заключённого в камеру: рубашка, запонки, галстук. Отправиться на “чёрном вороне” при параде? Думаю, это была своего рода бравада, вызов; он рассчитывал на непродолжительный арест, думал, что скоро вернётся домой.

Под № 92 в деле подшита справка: “Приговор о расстреле Корнилова Б. П. в городе Ленинграде 20 февраля 1938 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом отделе архива 1 специального отдела НКВД СССР”.

К делу приложены документы 1955 года, предшествующие реабилитации Б. Корнилова: письмо-ходатайство Ленинградской писательской организации за подписью Холопова и Чивилихина и заявление О. Ф. Берггольц — первой гражданской жены Б. Корнилова. Она чистосердечно берёт на себя вину за развал семьи, признаёт талант и добрые человеческие качества мужа и отца.

Наконец, документ, подводящий черту в деле, гласит: “Приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 20 февраля 1938 года в отношении Корнилова Бориса Петровича в связи с открывшимися обстоятельствами отменить, дело прекратить за отсутствием состава преступления...”

В старом городке Семёнове, как и прежде, несуетный, размеренный быт. Здесь свои радости — открылся музей истории хохломы, семёновские сувениры представляли Россию на Сочинской олимпиаде... Действует старообрядческий приход, чего давно добивались верующие. В Доме культуры отремонтировали большой зал, где проходят выставки художников и читают стихи поэты.

Каждый год 29 августа, в день рождения Бориса Корнилова, городок Семёнов заметно оживает — из распахнутых окон Дома культуры звучит ставшая воистину народной песня “Нас утро встречает прохладой...”, пышные букеты цветов — у подножья памятника поэту, в библиотеке — книжная выставка и встреча с писателями, в музее — обновленная экспозиция.

На одном из праздников поэзии я познакомилась с близкими родственницами Бориса Корнилова, жителями г. Семёнова, — его племянницей Фаиной Васильевной Козловой-Смирновой и её дочерью Светланой Геннадьевной Гудковой, она продолжает учительскую традицию семьи, сейчас директор Семёновской школы № 2.

Улыбается хохломской раскраской магазинная витрина, мимо школы, где учился будущий поэт, мимо памятника Борису Корнилову спешат юные мастерицы местной профтехшколы в фабричные цеха. Не иссякла здесь тяга к древнему ремеслу. К окраинам городка подступают хвойные леса, одна из лесных дорог, возможно, заманит вас в село Покровское, где родился замечательный русский поэт, так вдохновенно прославивший семёновскую землю. Здесь неустанно летом и зимой напевает свою песню родник. Как встарь, в Покровском пекут ватрушки с черникой, ставят для чаепития самовар, воду берут из певучего родника.

Богата земля талантами, но дар поэта — особый, редкостный. Поэзия Бориса Корнилова — голос из голосов, сгусток энергии, эмоциональности... И одновременно — хрупкость, незащищённость. Талант природный, подлинный, ищущий — нет, не тепличного благоденствия, а внимания. Здешние сказочные, а в чём-то загадочные, таинственные места во все времена ждали и ждут своего поэта. И явление его состоится, но это будет другое время и другой поэт.

Нижний Новгород